

На правах рукописи

САЙФУЛЛИН РАУИЛ ИСЛАМОВИЧ

**ПОРУЧИТЕЛЬСТВО И БАНКРОТСТВО:
ВЗАИМНАЯ СВЯЗЬ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ**

Специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Москва – 2019

Работа выполнена в Федеральном государственном научно-исследовательском учреждении «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации».

Научный руководитель: **Егоров Андрей Владимирович** - кандидат юридических наук, первый заместитель Председателя совета Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Исследовательский центр частного права им С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации»

Официальные оппоненты: **Козлова Наталия Владимировна** - доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Меньшенин Павел Александрович - кандидат юридических наук, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов «Делькредере»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Защита диссертации состоится 20 мая 2019 г. в 14:00 на заседании диссертационного совета Д.503.001.01 при Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации по адресу: 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, д. 34.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: www.izak.ru.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2019 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат юридических наук

О.В. Муратова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования

Экономический аспект. В последние годы традиционное – общегражданское – восприятие и применение положений о поручительстве в многочисленных делах о банкротстве столкнулось с разнообразными правоприменительными проблемами. Особенно серьезным испытанием как для участников оборота, так и для судебной системы стал финансовый кризис 2008 г. Лавинообразный поток дел о банкротстве остро обнажил новые грани отношений между кредиторами и должниками.

В этот трудный период многие хозяйствующие субъекты оказались просто дезориентированы, поскольку в сжатые сроки им приходилось принимать жизненно важные (с точки зрения бизнеса) решения, причем принятие таких решений происходило не только на фоне сопутствующих рыночных и кредитных рисков, но и далеко не в последнюю очередь на фоне правовых рисков. Как точно отмечает Р.С. Бевзенко, «традиционные способы обеспечения обязательств легко разрушались в судах либо оказывались неэффективными, а непоименованные – чрезвычайно рискованными с точки зрения судебного признания обеспечительных прав. В итоге у кредиторов зачастую оставалось лишь то, что им предопределено этимологией самого термина «кредитор» (лат. *credere* – «верить»), – надежда, что должник не станет неплатежеспособным и исполнит обязательство»¹.

В результате этого среди профессиональных кредиторов (банков, лизинговых компаний и т.д.) стало формироваться недоверие как к институту обеспечения в целом, так и к институту поручительства в частности. В данном контексте особенное беспокойство вызывают дела о банкротстве. Здесь риск утраты обеспечения по общегражданским основаниям (например, путем прекращения или признания соответствующей сделки недействительной) дополнительно осложняется специальными основаниями

¹ Бевзенко Р.С. Акцессорность обеспечительных обязательств. М.: Статут, 2013. С. 4.

недействительности сделок, предусмотренными законодательством о банкротстве (гл. III.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон, Закон о банкротстве)).

Помимо этого, самостоятельной проблемой стал риск утраты кредиторского контроля над несостоятельным должником. Такая опасность возникла вследствие расширения агрессивной практики выдачи должниками «лжепоручительств» с целью формирования искусственной кредиторской задолженности. Следует отметить, что иногда утрата кредиторского контроля над процедурой банкротства становилась результатом неожиданных перегибов в правоприменительной практике (например, по вопросу поглощения личного обеспечения вещным при совпадении поручителя и залогодателя).

Выявленные правовые риски были незамедлительно учтены профессиональными участниками оборота и закономерно повлекли в последующем увеличение цены кредита. В сложившейся ситуации научное исследование, направленное на изучение взаимодействия институтов поручительства и банкротства, как никогда востребовано современной экономикой.

Правоприменительный аспект. Именно противоречивая судебная практика во многом дала богатый материал для анализа. В ходе ее изучения диссертантом были выявлены многочисленные проблемы, с которыми сталкивается кредитор при осуществлении как требования, обеспеченного поручительством (в деле о банкротстве основного должника), так и требования из поручительства (в деле о банкротстве поручителя). Анализ, проведенный в ходе исследования, показал отсутствие единообразия по широкому спектру вопросов в изучаемой сфере правоотношений.

Актуальность обозначенных проблем вынудила в 2011 г. высшую судебную инстанцию приступить к разработке проекта постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с

поручительством». Также в период с 2009 по 2016 гг. сначала Президиум ВАС РФ, а затем Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) рассмотрели небывалое количество дел, связанных с исследуемой проблематикой. Работа над диссертацией шла во многом параллельно с деятельностью высшей судебной инстанции в данной сфере. При этом отдельные тезисы настоящего исследования, опубликованные в ведущих юридических журналах, были впоследствии восприняты ее правоприменительной практикой.

Правотворческий аспект. Следует отметить, что до настоящего времени законодательная власть не уделяет значительного внимания существованию проблем при взаимодействии институтов поручительства и банкротства. Никаких попыток по гармонизации соответствующих отношений на законодательном уровне не предпринималось.

В рамках реализации Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации² (далее – Концепция) институт поручительства был подвергнут лишь косметической модернизации. Большинство внесенных изменений было направлено на разрешение существовавших проблем общегражданского характера. Специфику применения положений о поручительстве при рассмотрении дел о банкротстве Концепция никоим образом не учитывала.

С одной стороны, это, конечно же, отрицательный момент. С другой стороны, диссертант является сторонником того подхода, что в виде закона следует оформлять лишь те правовые позиции, которые прошли необходимую апробацию как в правоприменительной практике, так и в ходе научной дискуссии. Поэтому всяческие попытки настаивать на принятии законопроектов, оформляющих «сырые» (с точки зрения научной доктрины) законодательные инициативы, нельзя признать правильными. В этом смысле

² Одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.

настоящая работа является лишь отправной точкой в поиске оптимальных механизмов взаимодействия институтов поручительства и банкротства.

Доктринальный аспект. Тесная взаимосвязь институтов поручительства и банкротства не вызывает сомнений. Однако природа этих взаимоотношений остается неизученной. Для удобства исследования целесообразно разграничить специфику их взаимодействия в зависимости от того, какой субъект отношений оказался неплатежеспособен – основной должник или поручитель.

С одной стороны, при банкротстве основного должника прослеживается внутренняя неразрывная связь этих институтов друг с другом. Так, по сути, лишь завершение конкурсного производства в отношении основного должника раскрывает истинное предназначение обязательства из поручительства, которое заключается в компенсации кредитору части требования, оставшейся непогашенной. При этом такая экономическая трактовка указанных отношений характерна как для субсидиарной, так и для солидарной формы поручительства. Ведь при платежеспособности главного должника поручительство сводится к оперативному покрытию так называемого кассового разрыва, возникающего у должника. В таких случаях возврат исполненного поручителем является лишь вопросом времени.

С другой стороны, при банкротстве поручителя, напротив, прослеживается концептуальная несовместимость этих институтов. Так, установление требования из поручительства в деле о банкротстве противоречит самой природе конкурсных отношений, предполагающих по общему правилу допуск к участию в деле о банкротстве добровольных кредиторов лишь при наличии с их стороны встречного предоставления. Очевидно, что такого предоставления в конкурсную массу со стороны кредитора из поручительства по общему правилу не бывает.

Отсюда в первом приближении можно сделать следующий вывод: если банкротство основного должника в полной мере отвечает предназначению и

функционированию института поручительства и даже в известном смысле естественным образом предполагается последним, то банкротство поручителя, напротив, противоречит его природе. Тем не менее и здесь есть место для поиска регулятивных компромиссов.

Как видим, нити рассматриваемых правоотношений тесно сплелись в огромный запутанный клубок. При этом закономерности взаимодействия этих институтов до сих пор никем глубоко не изучались. Большинство исследований по вопросам поручительства (причем как отечественных, так и зарубежных) носят общегражданский характер; исследование вопросов банкротства также проводится учеными, как правило, изолированно от изучения вопросов поручительства³. Научные познания в этой области всегда носили разрозненный и отрывочный характер: в публикациях, посвященных проблемам поручительства, изредка упоминались вопросы банкротства, и наоборот.

В настоящее время большинство положений, регулирующих поручительство, закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ). Поэтому любопытно то, что на отдельных этапах своего исторического развития данный институт регулировался в значительной степени законодательством о банкротстве. Указанную особенность, в частности, отмечал В.Д. Мочульский: «Если мы теперь обратимся к нашим гражданским законам о поручительстве, то сейчас же само собою возникает мысль об их историческом происхождении из устава о банкротах, ибо под статьями о поручительстве т. X ч. I приведены *почти единственно* статьи этого устава, касающиеся поручительства, а именно ст. 55 и 56 ч. I и 95–97 ч. II»⁴ (курсив в оригинале. – *Р.С.*).

³ Исключение составляют лишь ряд публикаций, которые появились в течение последних нескольких лет (см.: Новоселова Л. Обратное требование поручителя при банкротстве // Хозяйство и право. 2012. № 9. С. 3–16; Бевзенко Р.С. Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам поручительства и банковской гарантии: Комментарий к постановлениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» и от 23 марта 2012 г. № 14 «Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий». М.: Статут, 2013. С. 154–173).

⁴ Мочульский В.Д. О поручительстве не на срок (простом) и на срок (срочном) (об источниках 1557 и 1560 ст. ст. т. X ч. I Свода законов) // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 1. С. 104.

Все это свидетельствует о тесной взаимосвязи между этими правовыми явлениями, которую нельзя игнорировать. Сейчас уже назрела острая необходимость в проведении фундаментального комплексного исследования проблем поручительства и банкротства. И настоящая работа является попыткой внести посильный вклад в упорядочение взаимоотношений в рассматриваемой сфере.

Степень научной разработанности темы. Общегражданские аспекты института поручительства достаточно глубоко изучены как в отечественной, так и в иностранной цивилистике. В своих работах соответствующие проблемы исследовали Р.С. Бевзенко, В.А. Белов, В.В. Витрянский, Б.М. Гонгало, Л.Г. Ефимова, Д.И. Мейер, П.А. Меншенин, С.П. Никонов, И.Б. Новицкий, Л.А. Новоселова, А.М. Нолькен, Е.А. Павлодский, С.В. Сарбаш, О.М. Свириденко и др. Среди иностранных специалистов, к работам которых обращался диссертант, следует отметить Х. Вебера, Р.Д. Беренса, Ф.Л. Брюнера, Ф.Р. Вуда, Е. Годэмэ, У. Дробнига, Л.Ж. де ла Морандьера, Р. Саватье, Я.Д. Сокола, Р. Циммермана и др.

Также с учетом комплексного характера исследования были проанализированы работы, посвященные проблемам осуществления прав кредиторов в рамках дела о банкротстве, следующих ученых: Б.С. Бруско, А.Х. Гольмстена, А.В. Егорова, О.Р. Зайцева, С.А. Карелиной, К.Б. Кораева, С.А. Кузнецова, Р.Т. Мифтахутдинова, Е.Ю. Пустоваловой, Е.Д. Суворова, М.В. Ткачевой, Г.Ф. Шершеневича, Т.П. Шишмаревой и др.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления прав и интересов кредитора, поручителя и основного должника в случае несостоятельности одного или нескольких из указанных субъектов права.

Предметом диссертационного исследования являются особенности осуществления и защиты прав и интересов кредитора, основного должника и поручителя в случае несостоятельности указанных субъектов права как в российском, так и в иностранных (прежде всего англосаксонских)

правопорядках, в том числе соответствующие законодательные нормы, примеры правоприменительной практики, доктринальные подходы, теории, идеи, а также современные тенденции развития законодательства и судебной практики в области взаимодействия институтов поручительства и банкротства.

Цели и задачи исследования. Целью настоящего исследования является разработка эффективной модели взаимодействия институтов поручительства и банкротства в российском праве. При этом промежуточными задачами выступают:

1) изучение юридической сущности поручительства как способа обеспечения исполнения обязательства и его взаимосвязи с институтом банкротства;

2) изучение проблем, возникающих при осуществлении требования из поручительства в деле о банкротстве поручителя;

3) изучение проблем, возникающих при осуществлении требования, обеспеченного поручительством (либо обратного требования), в деле о банкротстве основного должника;

4) разработка возможных мер противодействия недобросовестному использованию поручительства в целях искусственного увеличения кредиторской задолженности в деле о банкротстве.

Нормативная и эмпирическая основа исследования. Нормативную основу исследования составили акты как российского, так и зарубежного законодательства, регулирующие институты поручительства и банкротства.

Эмпирической основой исследования стали материалы отечественной и зарубежной правоприменительной практики по спорам, возникающим при взаимодействии институтов поручительства и банкротства.

Методологическая основа исследования. Диссертационное исследование осуществлено на базе научных методов познания. В ходе работы были использованы как общенаучные (в частности, диалектический),

так и специальные (в частности, сравнительно-правовой, исторический, формально-юридический и др.) методы исследования.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые проведены анализ и обобщение проблем взаимодействия институтов поручительства и банкротства.

В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы, выносимые на защиту.

1. Для осмысления взаимной связи институтов поручительства и банкротства необходимо определить характер их взаимодействия при несостоятельности как основного должника, так и поручителя.

А) Риск наступления несостоятельности основного должника изначально принимается как поручителем, так и кредитором, поскольку конструкция личного обеспечения смоделирована именно на этот случай. По указанной причине взаимодействие анализируемых институтов при банкротстве должника по обеспечиваемому обязательству носит гармоничный – **конгруэнтный** – характер.

Б) Наступление несостоятельности поручителя вступает в противоречие:

во-первых, с изначальными ожиданиями кредитора из поручительства, т.е. не соответствует предназначению института личного обеспечения;

во-вторых, с ожиданиями иных кредиторов несостоятельного поручителя по возмездным сделкам, поскольку по общему правилу, в отличие от них, кредитор из поручительства ничего в конкурсную массу не предоставляет, но при этом претендует на участие в ее распределении.

В приведенном случае цели рассматриваемых институтов явно вступают в противоречие между собой, поэтому их взаимодействие носит разнонаправленный – **конверсивный** – характер.

С целью полноты научного анализа следует отметить, что взаимодействие данных институтов может иметь место и при банкротстве кредитора. Указанное явление носит экстраординарный характер и

порождает единственную проблему – восстановление обеспечения (в том числе поручительства) в результате оспаривания сделки по исполнению обеспечиваемого обязательства. Аналогичная ситуация может возникнуть и при оспаривании сделок в рамках дела о банкротстве основного должника. Поэтому, по мнению диссертанта, банкротство кредитора никаких новых граней взаимодействия исследуемых институтов не раскрывает.

2. Анализ правовой природы обязательства из поручительства через призму института банкротства позволяет выделить две качественно отличающиеся фазы в его динамике, а именно:

1) до момента завершения конкурсного производства в отношении основного должника;

2) после момента завершения конкурсного производства в отношении основного должника.

Как известно, в силу абзаца третьего п. 9 ст. 142 Закона о банкротстве требования кредиторов, не удовлетворенные по причине недостаточности имущества должника, считаются погашенными. После полного или частичного погашения обеспечиваемого требования (либо обратного требования) положение поручителя меняется кардинально: он окончательно утрачивает возможность восстановить свое имущественное положение за счет основного должника. Соответственно, отрицательный финансовый результат от обеспечиваемой хозяйственной операции кредитора перекладывается на него. Приведенный подход позволяет раскрыть главное предназначение института личного обеспечения, которое сводится к фиксации поручителем экономических убытков кредитора.

3. Кредитор из поручительства может одновременно или последовательно участвовать как в деле о банкротстве поручителя (поручителей), так и в деле о банкротстве основного должника, причем одновременное включение одного и того же требования кредитора в несколько реестров требований кредиторов возможно как при солидарности, так и при субсидиарности предоставленного поручительства. В первом

случае суду достаточно установить неисправность должника по обеспечиваемому обязательству, а во втором дополнительно требуется проверка наступления условий субсидиарной ответственности, предусмотренных законом или условиями договора. Единственное исключение из правила о параллельном участии в нескольких делах о банкротстве – оговорка о строгой субсидиарной ответственности поручителя, установленная договором поручительства. В этом случае предъявление притязаний к поручителю возможно лишь после исчерпания кредитором иных способов удовлетворения его требований за счет основного должника (а точнее, после наступления условий, оговоренных в договоре поручительства). Соответственно, здесь воплощается принцип последовательности (очередности) взыскания.

4. Требование из солидарного поручительства для целей квалификации в деле о банкротстве предполагается тождественным требованию из обеспечиваемого долга (причем как по размеру, так и по составу). Иное может быть предусмотрено договором поручительства (например, ограничение ответственности поручителя конкретной суммой (ограничение по размеру) либо только суммой начисленной неустойки (ограничение по составу)). В то же время ответственность поручителя не должна быть более обременительной, чем ответственность главного должника. В связи с этим диссертант выделяет два подхода к пониманию природы тождественности долговой нагрузки основного должника и поручителя: **абсолютный** (т.е. тождественность с обязательным совпадением итоговой величины долга) и **относительный** (т.е. тождественность номинальных условий основного и обеспечивательного обязательств, при которой совпадение итоговой величины долга необязательно).

Исходя из тождественности имущественных притязаний, кредитор из поручительства должен обладать теми же неимущественными правами, что и иные кредиторы той же очереди, в том числе: правом на участие в собрании кредиторов с правом голоса, правом инициировать процедуру банкротства,

правом на получение пропорциональной доли при распределении конкурсной массы и т.д.

5. В случае введения процедуры банкротства в отношении поручителя кредитор должен иметь возможность требовать досрочного исполнения обеспечиваемого обязательства от должника, даже при исправном исполнении со стороны последнего (так называемое опережающее банкротство поручителя), и, соответственно, участвовать в этом деле о банкротстве. Для данных целей могут быть использованы положения ст. 813 ГК РФ об утрате обеспечения или ухудшении его условий. Исключением является случай строгого субсидиарного поручительства, поскольку предъявлять требование к такому субсидиарному поручителю до наступления оговоренных условий (как правило, завершение конкурсного производства в отношении основного должника) недопустимо.

6. Заключение мирового соглашения в деле о банкротстве основного должника по общему правилу не должно влиять на судьбу обязательства из поручительства. Объясняется это тем, что совершение такой сделки происходит не по общегражданским, а по специальным правилам законодательства о банкротстве – по воле большинства кредиторов. Власть этого гражданско-правового сообщества распространяется только на конкурсную массу основного должника.

Исключением являются те случаи, когда кредитор выразил свое согласие с условиями мирового соглашения, т.е. фактически когда изменение обеспечиваемого обязательства состоялось по соглашению его сторон. Другим исключением выступает ответственность поручителя по строгому субсидиарному поручительству, размер которой определяется на момент наступления оговоренного условия (например, завершение конкурсного производства в отношении основного должника). Таким образом, если до наступления соответствующего события имели место мировые соглашения в деле о банкротстве основного должника, то размер обеспечиваемого долга

определяется с их учетом. Вместе с тем иное, по нашему мнению, может быть оговорено в договоре поручительства.

7. При оспаривании договоров поручительства в деле о банкротстве поручителя следует различать две группы случаев: к первой группе относятся поручительства, которые были предоставлены с целью искусственного увеличения кредиторской задолженности в преддверии банкротства (или даже после возбуждения дела о банкротстве); ко второй – поручительства, которые были предоставлены с целью реального обеспечения исполнения обязательства основного должника. Для целей настоящего исследования диссертант предлагает именовать первые обеспечения **фиктивными поручительствами** (или даже лжепоручительствами), а вторые **реальными поручительствами**.

Как фиктивное, так и реальное поручительство *a priori* невыгодно для конкурсной массы поручителя. Ведь требование из поручительства по общему правилу не сопряжено со встречным предоставлением со стороны кредитора каких-либо благ (товаров, работ, услуг) в имущественную массу поручителя. Однако из упомянутого правила есть исключения. В этой связи для разграничения указанных выше групп случаев необходимо оценивать экономическую обоснованность (целесообразность) предоставления поручительства. Так, его предоставление с экономической точки зрения целесообразно:

- 1) при наличии имущественной выгоды для поручителя и его кредиторов (критерий наличия выгоды);
- 2) при отсутствии имущественного вреда для поручителя и его кредиторов (критерий отсутствия вреда).

К первой группе (критерий наличия выгоды) относятся случаи предоставления нисходящего корпоративного обеспечения, т.е. предоставления поручительства материнской компанией за дочернюю, а также другие случаи, в которых предполагается поступление имущественных благ от кредитора к поручителю опосредованно, через имущественную массу

основного должника, ввиду ряда иных хозяйственных связей (например, при осуществлении капитального строительства генеральный подрядчик выступил поручителем по кредитной линии, открытой банком для застройщика с целью оплаты стоимости подрядных работ, или лизингополучатель выступил поручителем по кредиту, предоставленному лизинговой компании (лизингодателю) для приобретения предмета лизинга).

Ко второй группе (критерий отсутствия вреда) относятся случаи предоставления поручительства в пределах стоимости чистых активов поручителя, а также при достаточности и высокой ликвидности обеспечиваемого требования к основному должнику (например, оно с избытком обеспечено залогом наиболее ликвидных акций, принадлежащих основному должнику). В данном случае от предоставления поручительства не возникает какой-либо прямой имущественной выгоды для поручителя. Между тем и вред имущественным правам кредиторов от обеспечиваемого обязательства минимален либо вообще отсутствует.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в том, что сформулированные в диссертации положения и выводы развивают и дополняют науку российского гражданского права. Предлагается ряд идей, имеющих важное теоретическое значение, в частности: идея неразрывной связи институтов поручительства и банкротства, которая носит конгруэнтный характер при банкротстве основного должника и конверсивный при банкротстве поручителя; идея о необходимости выделения ключевых этапов в динамике обязательства из поручительства – до и после завершения конкурсного производства в отношении основного должника; идея о тождественности долговой нагрузки поручителя и основного должника, изученная через призму их несостоятельности (разграничение абсолютного и относительного подходов).

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности их использования в законодательной деятельности – при совершенствовании гражданского законодательства, а также в

правоприменительной практике – при разрешении споров между участниками правоотношений из поручительства. Также отдельные тезисы могут быть использованы участниками оборота (прежде всего профессиональными участниками рынка кредитования) в их хозяйственной практике с целью объективной оценки правовых рисков при оказании ими кредита (в экономическом смысле).

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Многие тезисы настоящей работы обсуждались и были использованы в ходе подготовки постановления Пленума ВАС РФ от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» (далее – Постановление № 42) (в частности, в ходе публичного обсуждения проекта постановления в Президиуме ВАС РФ, а также в Управлении частного права ВАС РФ). Также ее отдельные выводы нашли свое отражение в п. 2 постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 60 «О внесении дополнений в постановление Пленума ВАС РФ от 30.04.2009 № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»»».

Отдельные положения работы были применены диссертантом в его практической деятельности при подготовке правовых позиций в связи с участием в рассмотрении конкретных дел (см., например, постановление ФАС Уральского округа от 17 октября 2013 г. № Ф09-11002/13 по делу № А07-17093/2012).

Кроме того, диссертант выступил соавтором видеокурса «Поручительство и залог в банкротстве» (в соавторстве с А.В. Егоровым и О.Р. Зайцевым), который был прочитан 14–15 сентября 2016 г. на базе платформы «Lextorium».

Отдельные тезисы настоящей диссертации были представлены диссертантом в качестве докладов на заседаниях Банкротного клуба (создан

при содействии Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации):

- 1) доклад на тему «Восстановление обеспечения после конкурсного оспаривания платежа основного должника» (г. Москва, 11 мая 2017 г.)⁵;
- 2) доклад на тему «Актуальные вопросы конкурсного и внеконкурсного оспаривания договоров поручительства» (г. Казань, 1 декабря 2017 г.)⁶.

23 апреля 2018 г. диссертант выступил с докладом «Поручительство и банкротство: взаимная связь правовых институтов» на заседании секции «Частное право» Ученого совета Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Структура диссертационной работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих в совокупности семь параграфов, заключения, списка сокращений и условных обозначений, а также библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, показывается степень ее разработанности в юридической литературе; определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, а также его нормативная, эмпирическая и методологическая основа; раскрывается научная новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость и формулируются основные положения, выносимые на защиту; приводятся сведения об апробации результатов исследования и их практическая значимость.

⁵ См. видеозапись выступления (2:12:22): <https://youtu.be/P6OMLHL9ypA>.

⁶ См. видеозапись выступления (2:56:35): <https://youtu.be/Ev2SJK9PTE>.

Первая глава «Характеристика взаимной связи институтов поручительства и банкротства» посвящена исследованию природы взаимодействия институтов поручительства и банкротства. В первую очередь диссертант обращает внимание на то, что оба явления ориентированы на достижение единой цели – охраны кредиты (в экономическом смысле). Между тем характеристика взаимодействия различается в зависимости от того, какой субъект оказался в банкротстве – основной должник или поручитель.

1. Банкротство основного должника укладывается в естественный ход событий с точки зрения ожиданий как кредитора, так и должника по обязательству из личного обеспечения. По сути, цель поручительства сводится к предоставлению кредитору компенсации части обеспечиваемого требования, оставшейся непогашенной. По этой причине взаимную связь исследуемых институтов в данном случае можно охарактеризовать как **конгруэнтную**.

2. В то же время несостоятельность поручителя вступает в противоречие: 1) с изначальными ожиданиями кредитора из поручительства; 2) с ожиданиями иных кредиторов несостоятельного поручителя по возмездным сделкам (в отличие от них, кредитор из поручительства ничего в конкурсную массу не предоставляет, но при этом претендует на участие в ее распределении).

В приведенном случае цели рассматриваемых институтов явно вступают в противоречие между собой, поэтому их взаимодействие носит разнонаправленный – **конверсивный** – характер.

Вторая глава «Осуществление требования из поручительства при банкротстве поручителя» состоит из четырех параграфов, посвященных изучению проблем, возникающих у кредитора при осуществлении указанного требования в деле о банкротстве.

В первом параграфе **«Квалификация требования из поручительства для целей участия в деле о банкротстве»** анализируются

виды требований, вытекающих из поручительства. В частности, рассматривается проблема определения правовой природы требования из поручительства, проводится разграничение понятий основного долга и санкции, проецирование данных понятий на требование из поручительства.

В результате исследования делается вывод о том, что в основе обязательства из поручительства лежит принцип тождественности долгового бремени должника и поручителя. Исходя из этого, можно сформулировать следующие общие правила: 1) состав требования кредитора как к основному должнику, так и к поручителю всегда одинаков; 2) состав обратного требования поручителя к основному должнику всегда тождествен с требованием первоначального кредитора, удовлетворенным за счет поручителя: при удовлетворении требования об уплате неустойки поручитель наделяется обратным требованием об уплате неустойки; при удовлетворении требования об уплате основного долга – обратным требованием об уплате основного долга. Дифференциация в понимании принципа тождественности (т.е. является ли такая тождественность абсолютной или относительной) может возникнуть лишь при предъявлении требования к поручителю в ходе банкротства основного должника.

Второй параграф «Возбуждение дела о банкротстве по инициативе кредитора из поручительства» представляет собой анализ проблем, возникающих у кредитора при подаче заявления о признании должника банкротом. Изучена проблема одновременного инициирования кредитором процедуры банкротства в отношении основного должника и поручителя. Автор подвергает критике подход отдельных судов, согласно которому предъявление требования к солидарным должникам обуславливается необходимостью исчерпания взыскания с других солидарных должников. Выдвигается тезис о возможности одновременного возбуждения дел о банкротстве в отношении солидарного поручителя и основного должника.

В то же время для целей субсидиарного поручительства возможность одновременного или последовательного инициирования процедур

банкротства зависит от условия активации требования к поручителю. В тех случаях, когда такое условие носит мягкий характер, параллельность процедур банкротства основного должника и субсидиарного поручителя возможна; при строгих условиях подобная возможность отсутствует.

Исследуется вопрос о возможности предъявления кредитными организациями заявления о признании поручителя банкротом в упрощенном порядке. Диссертант приходит к выводу, что кредитные организации должны иметь возможность инициировать банкротство поручителей без судебного акта.

Третий параграф «Установление требования из поручительства в деле о банкротстве» посвящен анализу проблем, возникающих у кредитора при включении требования из поручительства в реестр требований кредиторов. Параграф разбит на четыре раздела.

В первом разделе «Особенности установления требования из солидарного поручительства в деле о банкротстве» исследованы проблемы участия кредитора в деле о банкротстве солидарного поручителя. Автор опровергает бытовавшее мнение, что кредитор получает неосновательное обогащение в результате участия в нескольких процедурах банкротства поручителей, по сути, с одним и тем же требованием. Недопущение получения кредитором излишнего удовлетворения обеспечивается с помощью механизма суброгации (ст. 365, 387 ГК РФ).

В данном разделе также исследованы проблемы тождественности долговой нагрузки основного должника и поручителя. Как известно, ответственность поручителя не должна быть более обременительной, чем ответственность главного должника⁷. В отечественном праве эта идея закреплена в п. 2 ст. 363 ГК РФ, а также поддерживается механизмом выдвижения возражений, предусмотренным в ст. 364 ГК РФ.

⁷ Дождев Д.В. Римское частное право: Учебник для вузов / Под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1997. С. 458; Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Traditions. Jura & Co, 1992. P. 122.

Диссертант предлагает выделять два вида тождественности: абсолютную и относительную. Под абсолютной тождественностью понимается тождество итоговой величины денежного обязательства поручителя и основного должника, под относительной – тождество условий, определяющих механизм исчисления денежного обязательства (т.е. размера кредита, процентов, неустоек, штрафов и т.д.); при этом совпадение итоговой величины денежного обязательства поручителя и основного должника при таком подходе не является обязательным.

Различие в результатах применения указанных подходов обнаруживается лишь при банкротстве основного должника. При абсолютном подходе предполагается, что поручитель может выдвигать против требования кредитора возражения, которые доступны должнику в связи с его несостоятельностью. Если же поручитель лишен такой возможности, то действует логика относительной тождественности.

В судебной практике пока нет последовательной позиции по этому вопросу. Так, принцип абсолютной тождественности закреплён в абзаце третьем п. 51 Постановления Пленума ВАС РФ № 42. Между тем практика последнего времени все чаще склоняется к относительному подходу. Это заметно по тем делам, где обеспечиваемое обязательство номинировано в иностранной валюте (определения ВС РФ от 31 марта 2015 г. № 5-КГ15-5, от 20 апреля 2017 г. № 305-ЭС16-19525).

Диссертант полагает, что оба подхода жизнеспособны. Нет повода их противопоставлять. Вопрос следует перефразировать: какой из этих вариантов должен быть общим правилом, а какой – срабатывать по усмотрению сторон? Из буквального толкования п. 1 ст. 364 ГК РФ следует, что абсолютная тождественность является общим правилом. Такая логика объясняется тем, что в этой норме не установлен запрет поручителю выдвигать возражения, доступные должнику в связи с его банкротством.

Во втором разделе «Особенности установления требования из субсидиарного поручительства в деле о банкротстве» исследованы

проблемы участия кредитора в деле о банкротстве субсидиарного поручителя. Автор проводит классификацию действующих форм субсидиарного поручительства в зависимости от условия предъявления требований к поручителю, выделяя два вида такого поручительства – мягкое и строгое. При мягкой форме субсидиарности возможно параллельное взыскание долга и с основного, и с субсидиарного должников; при строгой взыскание может быть только последовательным (т.е. обязательно доведение процедуры взыскания с основного должника до конца). Такая классификация свойственна европейским правовым порядкам. В то же время в США выделяют два вида поручительств: поручительство за платеж (*guaranty of payment*) и гарантию взыскания (*guaranty of collection*). Для первого вида характерно возникновение требования к поручителю после возникновения просрочки по обеспечиваемому долгу, что очень схоже с солидарным и мягким субсидиарным поручительством. Для второго вида поручительств необходимо исчерпание возможностей по взысканию долга с основного должника, что сближает его со строгим субсидиарным поручительством.

По той же логике осуществлялось выделение видов поручительства – простого поручительства (поручительства не на срок) и поручительства на срок – в дореволюционной России (ст. 1558 Свода законов Российской империи (т. X, ч. 1)). Для первой разновидности были характерны признаки, аналогичные условиям наступления строгой субсидиарности в современном российском праве. В работе отмечается тенденция сближения мягкой формы субсидиарного поручительства с солидарным поручительством. По этой причине проблемы мягкой субсидиарности и солидарного поручительства во многом совпадают. Совсем иная картина складывается применительно к строгому субсидиарному поручительству. Автор в целом подвергает сомнению тот факт, что строгое субсидиарное поручительство с условием о возмещении убытков (т.е. в тех случаях, когда требование к поручителю обусловлено завершением конкурсного производства в отношении основного должника) подчиняется правилам § 5 гл. 23 ГК РФ о поручительстве.

Осуществление требований по такому поручительству (в том числе путем включения в реестр требований кредиторов в случае введения процедуры банкротства в отношении субсидиарного поручителя) будет сопряжено с рядом проблем, в том числе с высокой вероятностью истечения юридически значимых сроков – срока исковой давности (ст. 204 ГК РФ) и срока поручительства (ст. 367 ГК РФ); с отсутствием обратного требования к основному должнику (ст. 365, 387 ГК РФ).

Значит, после завершения конкурсного производства в отношении основного должника и внесения записи в ЕГРЮЛ о его ликвидации кредитор рискует столкнуться как минимум с возражением субсидиарного поручителя о прекращении обязательства по правилам ст. 419 ГК РФ. Опираясь на передовой опыт развитых стран, диссертант предлагает законодательно закрепить специальный механизм приостановления или прерывания срока строгого субсидиарного поручительства.

В третьем разделе «Особенности установления требования из поручительства в деле о банкротстве до наступления срока исполнения обеспечиваемого обязательства» исследованы проблемы осуществления кредитором требования из поручительства в тех случаях, когда банкротство поручителя происходит на фоне надлежащего исполнения должником обеспечиваемого обязательства либо до наступления срока его исполнения.

Диссертант приходит к выводу, что при опережающем банкротстве поручителя кредитор должен иметь возможность требовать досрочного исполнения обеспечиваемого обязательства. Применительно к заемным обязательствам такая возможность предоставляется ст. 813 ГК РФ, где оговорено право займодавца требовать от заемщика досрочного возврата займа при утрате обеспечения или при ухудшении его условий. В то же время, если поручительством обеспечивается исполнение не договора займа, а иного обязательства (например, договора поставки, подряда и т.д.), соответствующие правоотношения подлежат квалификации в качестве

коммерческого кредита (п. 2 ст. 823 ГК РФ). В подобном случае ст. 813 ГК РФ можно применить и к таким договорным конструкциям.

По мнению автора, соответствующее право кредитора должно возникать в момент введения в отношении поручителя первой процедуры банкротства (наблюдения или конкурсного производства), а не в момент возбуждения соответствующего дела о банкротстве. Этот подход совпадает с правовой позицией Пленума ВАС РФ, изложенной в п. 46 Постановления № 42.

Следует отметить, что при строгом субсидиарном поручительстве участие кредитора в опережающем банкротстве поручителя исключено. Так, если условием предъявления требования кредитора к субсидиарному поручителю является завершение конкурсного производства в отношении основного должника, то выполнить это требование до закрытия реестра требований кредиторов в деле о банкротстве такого поручителя, причем на фоне исправного исполнения обеспечиваемого обязательства, объективно невозможно.

В четвертом разделе «Особенности установления требования из поручительства в деле о банкротстве при совпадении поручителя и залогодателя по одному обеспечиваемому обязательству в одном лице» исследованы проблемы осуществления требования из поручительства в тех случаях, когда процедура банкротства введена в отношении лица, которое выступило одновременно и залогодателем, и поручителем по одному и тому же обеспечиваемому долгу.

Залоговый кредитор в настоящее время лишен возможности влиять на решения, принимаемые собранием кредиторов. По мнению Р.С. Бевзенко, такое отстранение залогодержателя полностью соответствует идее приоритетного удовлетворения его требований⁸. Указанные ограничения в правоприменительной практике распространяются даже на те случаи, когда в

⁸ Бевзенко Р.С. Новое в законодательстве о залоге. Комментарии к Федеральному закону от 30.12.2008 № 306-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием порядка обращения взыскания на заложенное имущество» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 4. С. 228–229.

обеспечение исполнения того же обязательства тем же лицом было предоставлено поручительство. Диссертант отстаивает мнение о том, что в подобном случае личное обеспечение не должно поглощаться вещным обеспечением.

Четвертый параграф «Исключение требования из поручительства из реестра требований кредиторов» представляет собой анализ комплекса проблем, связанных с принудительным исключением требования кредитора из поручительства.

Одной из главных проблем является вопрос раскрытия информации о ходе исполнения обеспечиваемого обязательства. В частности, в ходе процедуры банкротства поручителя его арбитражный управляющий, конкурсные кредиторы и другие лица, участвующие в деле о банкротстве, зачастую не располагают соответствующей информацией. Это объясняется разрушением внутригрупповых связей в результате признания основного должника и (или) поручителя несостоятельными. В этой связи диссертант полагает необходимым расширить круг лиц, имеющих право инициировать процедуру принудительного исключения. Также диссертант предлагает в целом реформировать механизм раскрытия информации о ходе исполнения обязательства, обеспечиваемого поручительством. При этом главное бремя следует возложить на кредитора, а не на обязанных лиц.

Третья глава «Осуществление кредитором требования, обеспеченного поручительством, при банкротстве основного должника» состоит из трех параграфов, посвященных изучению проблем, возникающих у кредитора при осуществлении его требования в деле о банкротстве основного должника.

Первый параграф «Ответственность кредитора перед поручителем при банкротстве основного должника» представляет собой анализ проблем, влекущих ухудшение обратного требования поручителя в результате поведения кредитора.

Применительно к данному вопросу современная российская доктрина существенно отставала не только от иностранной и отечественной дореволюционной цивилистики⁹, но даже от ранней советской науки¹⁰. Лишь в 2015 г. в рамках совершенствования гражданского законодательства соответствующие положения были закреплены в п. 4 ст. 363 ГК РФ. Тем не менее многие вопросы остались нерешенными. Бездействуя, кредитор может пропустить срок на установление требования в ходе конкурсного производства должника и тем самым ухудшить обратное требование поручителя. Запрет на подобное недобросовестное поведение со стороны кредитора был установлен в абзаце первом п. 52 Постановления Пленума ВАС РФ № 42.

Другой проблемой является исключение обеспечиваемого требования из реестра требований кредиторов основного должника. В этом случае возможность осуществления суброгационного требования ограничено распорядительными действиями его правопродшественника. Если первоначальный кредитор совершит действия, направленные на отказ от требования, то поручитель не сможет повторно обратиться за судебной защитой. На необходимость учета интересов поручителя при исключении требования кредитора к основному должнику обращает внимание Л.А. Новоселова¹¹.

По этой причине диссертант полагает необходимым привлекать поручителей к участию в деле при исключении обеспечиваемого требования из реестра. Это даст поручителю возможность своевременно заявить о

⁹ Вот что в свое время по этому поводу писал А.М. Нолькен: «...на кредиторе лежит по отношению к поручителю обязанность некоторой заботливости в получении удовлетворения от главного должника, ибо только, если он сделал все зависящее от него для получения такого удовлетворения, он вправе говорить о невозможности его» (*Нолькен А.М.* Указ. соч. С. 116).

¹⁰ Достаточно продвинутые положения были закреплены в ст. 248 ГК РСФСР 1922 г. Кроме того, в указанный период на исследуемую проблему хотя бы изредка обращали внимание. Так, И.Б. Новицкий сдержанно отмечал, что «кредитор не обязан вообще проявлять в отношении поручителя какую-либо особую заботливость, но он не должен, во всяком случае, произвольно ухудшать положение поручителя» (*Новицкий И.Б.* Общее учение об обязательстве // *Новицкий И.Б.* Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. II. М.: Статут, 2006. С. 308).

¹¹ *Новоселова Л.А.* Обратное требование поручителя при банкротстве // *Хозяйство и право.* 2012. № 9. С. 9.

процессуальном правопреемстве или об освобождении от ответственности в порядке, предусмотренном п. 4 ст. 363 ГК РФ.

Второй параграф «Осуществление требования из поручительства при заключении мирового соглашения в деле о банкротстве основного должника» посвящен анализу проблем, с которыми сталкивается кредитор при осуществлении требования из поручительства, если в деле о банкротстве основного должника заключено мировое соглашение, противоречащее интересам кредитора.

Здесь возможны два подхода – «прокредиторский» и «пропоручительский». «Пропоручительская» позиция наглядно отражена в Определении ВС РФ от 24 сентября 2014 г. № 305-ЭС14-1200 по делу № А40-28131/2013. Судебная коллегия указала, что мировое соглашение в данном случае являлось гражданско-правовой сделкой, изменяющей в части права и обязанности по кредитным договорам. Соответственно, произошло изменение как обеспечиваемого, так и акцессорного обязательств.

«Прокредиторская» позиция исходит из необходимости оценки волеизъявления кредитора, которое выражается в голосовании на собрании кредиторов по вопросу утверждения мирового соглашения. В этом ракурсе развивалась судебная практика в дореволюционный период¹². Г. Дербург, указывал, что «поручители несостоятельного должника не могут ссылаться на мировую сделку, заключенную в его пользу по большинству голосов кредиторов»¹³.

По мнению диссертанта, если кредитор сам голосовал за мировое соглашение, то его эффект распространяется на поручителя; если же против, но не смог повлиять на принятое решение ввиду недостаточности голосов, то такой эффект отсутствует. Согласие кредитора с условиями мирового соглашения следует рассматривать как изменение обеспечиваемого обязательства в контексте п. 2 ст. 367 ГК РФ.

¹² Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. М.: Статут, 2003. С. 305.

¹³ Дербург Г. Пандекты. Т. II: Обязательственное право. 3-е изд. / Пер. под рук. и ред. П. Соколовского. М.: Университет. тип., 1911. С. 206.

В настоящее время «прокредиторскую» позицию занял ВС РФ в Определении от 14 июня 2016 г. № 308-ЭС16-1443 по делу № А61-2409/2010. Высшая инстанция указала на необходимость учета воли кредитора из поручительства при заключении мирового соглашения.

Третий параграф «Конкуренция требования кредитора и обратного требования поручителя в деле о банкротстве основного должника» посвящен проблеме одновременного осуществления требования кредитора, получившего частичное удовлетворение от поручителя, и обратного требования поручителя. Впервые запрет конкуренции требования кредитора и обратного требования поручителя был закреплен на уровне абстрактного разъяснения Пленума ВАС РФ в п. 30 Постановления № 42. Позднее соответствующее правило было отражено в п. 4 ст. 364 ГК РФ.

Между тем проблема субординации требований при банкротстве основного должника осталась неизученной. Диссертант рассматривает три подхода к решению проблемы конкуренции требования кредитора и обратного требования поручителя в деле о банкротстве основного должника: 1) равенство первоначального кредитора и поручителя; 2) внешняя субординация поручителя по отношению ко всем конкурсным кредиторам должника; 3) внутренняя субординация поручителя по отношению к первоначальному кредитору.

Если поручитель участвует в деле о банкротстве основного должника, то все причитающееся ему должно в предпочтительном порядке направляться первоначальному кредитору до его полного удовлетворения. В этом случае обратное требование кредитора конкурирует с требованиями других кредиторов, но подчиняется требованию первоначального кредитора, тем самым увеличивая долю последнего в конкурсной массе должника. Диссертант является сторонником именно такого – третьего – подхода.

Четвертая глава «Оспаривание договора поручительства в деле о банкротстве». В этой главе диссертант фокусирует внимание на злободневной проблеме оспаривания поручительства в деле о банкротстве,

мотивах особой уязвимости поручительства в контексте банкротства, а также путях преодоления обозначенных трудностей.

Как отмечает диссертант, ключевая особенность конструкции поручительства заключается в отсутствии по общему правилу равноценного встречного предоставления со стороны кредитора в имущественную массу поручителя и, соответственно, экономической целесообразности такой сделки для поручителя. По этой причине кредитор из поручительства резко выделяется на фоне других добровольных кредиторов.

Между тем, по мнению некоторых ученых, управлять делами несостоятельного должника должны лишь те кредиторы, которые ранее что-то предоставили в конкурсную массу¹⁴. Следуя данной логике, можно сделать вывод, что кредитора из поручительства не следует наделять такими правами.

С целью выявления случаев, когда предоставление поручительства может быть сопряжено со встречным предоставлением, диссертант обращает внимание на общепризнанную классификацию корпоративных обеспечений¹⁵:

1) нисходящее корпоративное обеспечение (*downstream guaranty*) – обеспечение, которое предоставляется материнской компанией (акционером, участником) в отношении обязательства дочерней компании;

2) восходящее корпоративное обеспечение (*upstream guaranty*) – обеспечение, которое предоставляется дочерней компанией в отношении обязательства материнской компании (акционера, участника);

3) перекрестное корпоративное обеспечение (*cross-stream guaranty*) – обеспечение, которое предоставляется одной компанией, входящей в группу,

¹⁴ Нестеренко А.О. Проблемы правового регулирования исполнения обязательств в деле о банкротстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 12.

¹⁵ Greer B.E., Moss J.S., Heather-Spiro N.B. Op. cit. P. 193–195; Hall Th.J., Levenberg K. Fraudulent Conveyances and the Bankruptcy Code's Black Box: How Can Lenders Establish "Value" Under Section 548? // The Banking Law Journal. 2011. Vol. 128. No. 8. P. 691. URL: http://www.nortonrosefulbright.com/files/chadbourne/publications/hall_bankinglawjournal_sept11.pdf (дата обращения: 04.09.2018); Rosenberg R.J. Intercorporate Guaranties and the Law of Fraudulent Conveyances: Lender Beware // University of Pennsylvania Law Review. 1976. Vol. 125. No. 2. P. 238–239. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4935&context=penn_law_review (дата обращения: 04.09.2018); Wood Ph.R. Comparative Law of Security and Guarantees. Sweet & Maxwell, 1995. P. 315.

в отношении обязательства другой компании из той же группы; при этом гарант и основной должник ни прямо, ни опосредованно не владеют акциями (долями) друг в друге (например, у обеих компаний общий владелец).

В чем смысл приведенной классификации? Первый тип – нисходящая гарантия – наименее уязвим с точки зрения его оспаривания в деле о банкротстве¹⁶. Этот вариант, как правило, предполагает, что гарант получит разумное встречное предоставление в результате совершения обеспечиваемой сделки. Суть такой эквивалентной ценности заключается в том, что получение займа увеличивает стоимость активов заемщика. Соответственно, стоимость пакета его акций или действительная стоимость его доли, принадлежащих обеспечителю, также растет в цене, т.е. это выгодно и для поручителя-акционера (участника), который этим пакетом акций (долей) владеет.

В приведенных случаях выгода возникает у гаранта, но должник при этом никаких расходов (ни на уплату вознаграждения, ни на уплату процентов и т.д.) не несет, т.е. приобретение имущественного блага связано непосредственно с совершением обеспечиваемой операции. Два других типа – восходящая и перекрестная гарантии – более опасны для бенефициара, поскольку доказывание предоставления «разумно эквивалентной ценности» (*reasonably equivalent value*) в результате принятия на себя обеспечиваемого долга является крайне трудным.

В свете этого диссертант выдвигает собственную концепцию оценки экономической обоснованности предоставления поручительства, в основе которой лежат только два критерия:

1) *оценка имущественной выгоды (критерий наличия выгоды)*. Прямая выгода поручителя от предоставления обеспечения за третье лицо, несмотря на кажущуюся экзотичность, является вполне возможным явлением в хозяйственном обороте. Строго говоря, кредитор предоставляет блага

¹⁶ Greer B.E., Moss J.S., Heather-Spiro N.B. Op. cit. P. 194.

поручителю не напрямую, а через имущественную массу основного должника. Примеры таких случаев можно разбить на две группы.

К первой группе, само собой, относятся операции по предоставлению нисходящего корпоративного обеспечения, т.е. предоставление обеспечения материнской компанией в отношении обязательства дочерней. Ко второй группе (т.е. даже при отсутствии общего корпоративного интереса) следует отнести другие виды хозяйственных связей. Например, при осуществлении капитального строительства подрядчик выступил поручителем по целевому кредиту для застройщика с целью оплаты стоимости подрядных работ. Или лизингополучатель выступил поручителем по кредиту, предоставленному лизингодателю для приобретения предмета лизинга;

2) *оценка отсутствия имущественного вреда (критерий отсутствия вреда)*. Возможна ситуация, когда поручительство хотя и не приносит выгод поручителю, но и не причиняет вреда его кредиторам. Такие примеры также следует разбить на две группы.

К первой группе следует отнести предоставление обеспечения в пределах стоимости чистых активов поручителя, рассчитанных на момент заключения договора поручительства. Чистые активы представляют собой активы, очищенные от долгов. Это своего рода излишек, который образуется в результате деятельности общества и, по сути, принадлежит его участникам. Соответственно, можно сказать, что совершение сделок в пределах данной величины не причиняет имущественного вреда интересам кредиторов.

Ко второй группе случаев отсутствия имущественного вреда интересам кредиторов следует отнести такие, в которых требование кредитора обеспечено помимо поручительства и иным достаточным высоколиквидным обеспечением, принадлежащим основному должнику (например, ипотека высоколиквидной недвижимости, залог высоколиквидных ценных бумаг и т.д.). Соответственно, имеется высокая вероятность, что требование будет в полном объеме удовлетворено за счет основного должника, причем как до, так и после введения процедуры банкротства поручителя. В случае же, если

удовлетворение кредитора за счет поручителя состоится раньше, к поручителю, по смыслу ст. 365, 387 ГК РФ, перейдет высоколиквидное обратное требование.

По мнению диссертанта, для защиты поручительства от конкурсного оспаривания кредитору достаточно удостовериться в соответствии сделки хотя бы одному из вышеотмеченных критериев.

Также автором исследуется проблема дифференциации стандартов осмотрительности в зависимости от наличия у кредитора статуса профессионального участника рынка кредитования. Так, в некоторых делах указано, что «заключение договоров поручительства в обеспечение исполнения заемщиками принятых на себя кредитных обязательств является широко распространенным правилом банковской деятельности»¹⁷. В определениях ВС РФ от 28 декабря 2015 г. № 308-ЭС15-1607 по делу № А63-4164/2014 и от 15 июня 2016 г. № 308-ЭС16-1475 по делу № А53-885/2014 также речь идет исключительно о кредитных организациях (в том числе упоминается «стандарт поведения обычной кредитной организации»).

Отдельно диссертант исследует вопрос о том, по каким правилам должно осуществляться оспаривание договора поручительства в деле о банкротстве – по правилам оспоримости или ничтожности? Автор полагает, что злоупотребление можно констатировать, когда поручительство было предоставлено не для целей обеспечения реального погашения долговых обязательств, а для других, сомнительных целей. Прежде всего имеется в виду искусственное увеличение кредиторской задолженности в преддверии банкротства поручителя. Диссертант предлагает именовать такие случаи **фиктивным** поручительством. В подобных ситуациях целесообразна констатация ничтожности сделки по правилам ст. 10 и 168 ГК РФ. Такие экстренные меры оправданны для недопущения недобросовестного лица к

¹⁷ Постановления АС Западно-Сибирского округа от 28 декабря 2016 г. № Ф04-5632/2016 по делу № А27-2926/2016, от 29 июня 2016 г. № Ф04-56/2016 по делу № А03-23502/2014, от 21 июня 2016 г. № Ф04-27770/2015 по делу № А46-11022/2014, от 15 июня 2016 г. № Ф04-445/2016 по делу № А27-21609/2014, от 22 января 2016 г. № Ф04-28804/2015 по делу № А02-1115/2014, от 14 августа 2015 г. № Ф04-3659/2014 по делу № А03-15570/2013, от 9 июня 2015 г. № Ф04-14526/2014 по делу № А03-1711/2014, от 12 марта 2015 г. № Ф04-9074/2014 по делу № А70-13297/2013, от 4 марта 2015 г. № Ф04-16299/2015 по делу № А03-24568/2013.

участию в первом собрании кредиторов. Между тем те договоры поручительства, которые были предоставлены с целью реального обеспечения, тоже *a priori* невыгодны поручителю. Именно такие – реальные – поручительства должны оспариваться по правилам об оспоримых сделках (точнее, по правилам ст. 61.2 Закона о банкротстве).

Пятая глава «Восстановление обязательства из поручительства при оспаривании в деле о банкротстве сделок, направленных на исполнение обеспечиваемого обязательства» ориентирована на исследование комплекса проблем, возникающих в результате оспаривания сделки по исполнению обеспечиваемого поручительством обязательства.

Автором рассматриваются подходы к восстановлению обеспечения в результате оспаривания сделки, направленной на исполнение обеспечиваемого обязательства, – «прокредиторский»¹⁸ (допускает восстановление обеспечения) и «пропоручительский» (не допускает восстановления обеспечения)¹⁹. Диссертанту представляется концептуально неверным полное отрицание возможности восстановления обеспечения. Это идет вразрез с богатым зарубежным опытом. В частности, в англосаксонских странах существует соответствующий механизм «воскрешения гарантий» (*revival of guarantees, revival of security*)²⁰. По мнению диссертанта, восстановление обеспечения является одним из аспектов применения последствий недействительности сделки.

Также в этой главе исследуются вопросы о восстановлении срока поручительства, необходимости указания в судебном акте на восстановление акцессорных обязательств, необходимости привлечения должников по

¹⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 20 апреля 2017 г. № 305-ЭС16-19525 по делу № А40-231538/2015.

¹⁹ Определение Гражданской коллегии ВС РФ от 10 ноября 2015 г. № 80-КГ15-18, от 11 октября 2016 г. № 32-КГ16-13.

²⁰ *Wood Ph.R. Op. cit. P. 397; Sepinuck St. L. Revival Clauses in Guarantees: Protecting the Creditor from Preference and Fraudulent Transfer Risk // Transactional Lawyer. 2012. Vol. 2. June. P. 1–4. URL: <https://www.law.gonzaga.edu/files/Transactional-Lawyer-June2012.pdf> (дата обращения: 08.09.2018); Restatement of the Law (Third): Suretyship and Guaranty (as adopted and promulgated by the American Law Institute at Chicago, Illinois, May 19, 1995). §§ 1–End, Tables and Index. ALI Pub., 1996. P. 281–283.*

аксессуарным обязательствам при разрешении обособленного спора об оспаривании сделки.

В **заключении** сделаны выводы по результатам проведенного научного исследования. По мнению диссертанта, для минимизации отрицательных последствий недобросовестного использования поручительства целесообразно повысить прозрачность механизма его предоставления. С этой целью предлагается внести ряд изменений в действующее законодательство (в частности, ввести правило об обязательном внесении в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц сведений о предоставлении поручительства), а также в правоприменительную практику (в частности, усилить контроль за раскрытием информации как о предоставлении, так и получении поручительства).

Диссертант отмечает, что в исследуемой области остались перспективные направления для дальнейших научных поисков: *во-первых*, блок проблем, возникающих при взаимодействии институтов поручительства и банкротства гражданина, а именно: специфика конкурсного оспаривания поручительства, предоставленного физическим лицом; проблемы освобождения от обязательства поручителя-гражданина в результате завершения в отношении него процедуры банкротства на фоне явной неисполнимости принятого обязательства и т.д.; *во-вторых*, проблема установления в деле о банкротстве основного должника суброгационного требования аффилированного поручителя. Между тем эффективность научных разработок в этой области зависит от подходов, которые будут применены при решении проблемы субординации требований дружественных кредиторов.

**Основные положения диссертации опубликованы в следующих научных
статьях**

**1. Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных
журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной
комиссией при Министерстве образования и науки Российской
Федерации:**

1. *Сайфуллин Р.И.* О судьбе требования из поручительства в деле о банкротстве // Хозяйство и право. 2010. № 3. С. 98 – 103. (0,51 п.л.).

2. *Сайфуллин Р.И.* Установление требования из поручительства в деле о банкротстве при исправном исполнении обеспечиваемого обязательства // Закон. 2010. № 6. С. 187 - 197. (1,07 п.л.).

3. *Сайфуллин Р.И.* Правовая природа обязательства из поручительства // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. №8. С. 40 - 73. (2,66 п.л.).

4. *Сайфуллин Р.И.* Конкуренция прав требования кредитора и обратного требования поручителя // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 12. С. 22 - 49. (2,26 п.л.).

5. *Сайфуллин Р.И.* Оспаривание поручительства в деле о банкротстве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 9. С. 52 - 75. (2,01 п.л.).

6. *Сайфуллин Р.И.* Восстановление обязательства из поручительства как последствие оспаривания сделки в деле о банкротстве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 11. С. 18 - 31. (1,09 п.л.)

2. Статьи, опубликованные в иных научных журналах и изданиях:

1. *Сайфуллин Р.И.* Ответственность кредитора перед поручителем // Практика применения общих положений об обязательствах: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2011. С. 20 – 25. (0,28 п.л.).

2. *Сайфуллин Р.И.* Должник исполнил обязательство, обеспеченное поручительством. Как кредитору исключить свои требования // Арбитражная практика. 2014. № 4. С. 76 - 83. (0,6 п.л.).

3. *Сайфуллин Р.И.* Субсидиарное поручительство: проблемы осуществления кредитором прав после завершения конкурсного производства в отношении основного должника // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9. С. 134 - 149. (1,25 п.л.).

4. *Сайфуллин Р.И.* Кредитор конкурирует с поручителем в деле о банкротстве. Кто получит удовлетворение раньше // Арбитражная практика. 2015. № 7. С. 108-117. (0,78 п.л.).

5. *Сайфуллин Р.И.* Влияние мирового соглашения, заключенного в деле о банкротстве основного должника, на обязательство из поручительства // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 2. С. 59-79. (1,67 п.л.).

6. *Сайфуллин Р.И.* Ослабление акцессорности поручительства и залога // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 8. С.25-30. (0,41 п.л.).

7. *Сайфуллин Р.И.* Восстановление обязательств из поручительства в результате оспаривания сделок в банкротстве: осмысление судебной практики // Об обеспечении обязательств: сборник статей С.В. Сарбаша / Сост. и отв. ред. А.В. Егоров. М.: ИЦЧП им. С.С.Алексеева при Президенте РФ, 2017. С. 18-31. (1,09 п.л.).